

Архивный след. Неизвестное об известном

Бунт или восстание?

В июле 2014 года исполнилось 100 лет со дня кровавых событий, имевших место в Лысьвенском заводе. Советские историки характеризовали их как вооружённое восстание, наши современники – как стихийный бунт людей, доведённых до отчаяния тяжёлой работой, мизерной зарплатой, тревожной неизвестностью надвигающейся войны с Германией.

Так случилось, что глубокого изучения тех нескольких июльских дней не было, хотя на этот счёт имеется немало документов в муниципальном музее и краевом архиве. Сегодня мы впервые публикуем обзор воспоминаний очевидцев не только «с улицы», но и из охваченной пожаром конторы Лысьвенского горного округа и Пермской тюрьмы.

КТО-ТО КРИЧАЛ: «БЕЙ ИХ!»

Ольга ШАРДИНА: «В Ильин день пришла я в Белую контору в девять часов утра. Разобрала почту и письма, адресованные Онуфровичу (управляющий Лысьвенским горным округом - ред.) отправила к нему домой. Через некоторое время рассылный вернулся с распиской в получении почты.

Я ещё посидела некоторое время. В этот момент уже началась «штурма», но я пока ничего не слышала - сидела в дальней комнате. Решила идти домой. Зайдя в бухгалтерию, встретилась с Онуфровичем. Он был в крови. Подбежав ко мне, попросил: «Спасите меня. Это стоит человеческой жизни». Я испуганно стояла перед ним. Увидев, что я - девочка, Онуфрович махнул рукой и пошёл в свой кабинет. Я испугалась, побежала обратно в канцелярию и там разревелась. В конторе поднялся шум. Прибежали снизу служащие, забегали по комнатам. Появились вооружённые полицейские. В канцелярию забегали Миньяков, Керкин Иван, рассылный Баженов Вася, Костя Домнин...

Дверь снизу заперли, забаррикадировали и никого не выпускали. Было очень страшно... Очевидно, нас заметили с улицы. В окна полетели камни. По комнатам сновали полицейские. Я редела во всю мочь. Обдумывали, как же выбраться из конторы.

Послышался звонок телефона: Онуфровича вызвала Кулебякина (сожительница). Он подошёл к телефону. Теперь я уже забыла, что он говорил, но помню его слова: «Прощай! Живого ты меня не увидишь. Я не вернусь живым». Он повесил трубку...

В это время сказали, что к правлению подкатывают бочки с керосином. Началась паника. Ко мне подошёл Ваня Керкин: «Пойдём, Лёля, надо спастись, бежим!». Мы бросились в телефонную и оттуда - в окно на

двор... Моросил дождь. Толпа рабочих отхлынула к мелким лавочкам. Около конторы стояла кругом цепь из рабочих. Кто-то закричал: «Бей их!».

Не помня себя от ужаса, я кинулась по Лысьвенской улице... Добежала до Волостного переулка, но там тоже стояла цепь из рабочих. Дальше меня не пропустили. Я села на крыльцо дома Поляковых и заревела. Ко мне подошёл какой-то старик. Послеговорили, что Туев... Он проводил меня до Сельского переулка, а оттуда я уже добежала домой...».

ПОЛИЦЕЙСКИЕ СТРЕЛЯЛИ В ТОЛПУ

Константин ДОМНИН: «В день восстания я был в конторе, в кассе, работал. Вдруг на улице поднялся сильный шум. Я посмотрел в окно... Онуфрович вошёл в правление, вскоре вышел обратно на площадку. Рабочие сначала затихли, но потом зашумели ещё сильнее. Стали напирать на Онуфровича. В это время раздался выстрел... Началась свалка, сплошной рёв... Полицейские, отмахиваясь палками, схватили Онуфровича и начали отступать в здание. Вскочили в здание и захлопнули дверь. В окна и двери полетели камни, посыпались стёкла. Мы захлопнули ставни и начали складывать дела... Нас было четверо: я, два кассира и цеховой расчётчик. Когда началась стрельба, старший кассир Сибиряков сильно заволновался... Дела сложились в нестерпимый шкаф...

В нижнем этаже за простенками стояли полицейские и стреляли в толпу. На лестнице сидел Онуфрович. На его шее, голове и одежде была кровь. Воротничок был расстёгнут. Вообще, вид у него был очень растерянный. В руке - маузер. Мы начали подниматься по лестнице. Онуфрович вздрогнул. Глаза у него были дикие. Он прицелился в нашу группу из маузера, но его успокоил исправник: «Это свои»...

А с улицы здание штурмовали. Рабочие стреляли из дробовиков. Одним из выстрелов был ранен полицейский надзиратель, кажется, Епимахов... Все служащие были в разных комнатах, некоторые просто прятались, другие отстреливались... Мы сговорились выйти через центральную телефонную. Кто-то сказал, что там можно выйти и что рабочие пропускают мелких служащих. Я, два кассира и ещё несколько служащих вышли из конторы...».

ОНУФРОВИЧ ВЫСТРЕЛИЛ В СЕБЯ...

Дмитрий ГОЛЫШЕВ: «Тут звон пошёл, стали окна бить. Кто камнями, кто чем, кое-кого из ребят ранило. Некоторые побежали за ружьями... Носковдомой убежал. Переоделся. Надел пиджачок брезентовый. Патронташ взял, двустволку. Встал за столб и ну садить по окнам!

Потом пошли к купцу Чашину за керосином. Кладовая заперта. Купец сидит бледный. У него требуют ключи. Он говорит: «Вот касса, берите всё...». Шардин Егор, Коробаев, Оборин, братишка мой покойный и многие ещё три бочки прикатили. Народу на площади было в это время от улицы до улицы, так и кольхалось. Коротаев говорит: «Обливай, Поносов!». Привезли пожарную машину, а она не берёт: пропускает керосин. Пошли по лавкам кули собирать. Намочат их в керосине, зажгут и в окна бросают. Загорелось! Сперва лесничество полыхнуло. Иванов, брендмейстер, приехал тушить. Ему не давали, так он обнажил клинок. Тут его кто-то ударил - он и не пошевелился. ...Рассказывают, брендмейстера долго били. Иванов был первый убитый. Вторым убили полицейского. Это было, когда осаждённые начали выходить из конторы. Они не столько от пожара бежали, сколько дымом их душило. Вылетели, как пробки!.. Выбежал Онуфрович. Он хотел себе самоубийство сделать. У него два револьвера были в руках. На бегу он успел сделать выстрел в себя. Его окружили Патраков, Соколкин Константин. Какой-то старик ударил лопатой по голове. Потом били, кто чем придётся...

...Арестовали нас и заковали до суда в кандалы. Допросы производил пристав Сретенский, всё больше по ночам. Меня на допрос раз восемь вызывали. Я сидел в одиночке. Потом привели Носкова, и стали мы вместе сидеть...».

ВЫНЕСЛИ СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

Михаил БЕЛЯКОВ: «После восстания лёг я днём поспать в чулане. Только уснул, мать будит: «Михаил, за тобой полиция». Делать нечего. Встал. Вышел в одном белье: «Ты Беляков?» - «Я». - «Одевайся!».

...Как только вышли на улицу, на меня налетели конные с палками и стали бить. В повозке усадили рядом с урядником. Сзади - конные. Они всю дорогу «писали» палками на моей спине записки. Их командир скомандовал: «Стоп! - и, наклонившись ко мне, приготовил карандаш и книжку: - Только двоих главных назови, и тебе на суде оправдание будет»...

...Когда вынесли мне смертный приговор, мать моя на галёрке упала в обморок. Я оглянулся: прощай, мол. Поп записал смертников в записную книжку. А когда нас снова привезли в Пермь, посадили в камеру смертников. В одном белье, руки-ноги скованы. Все вели себя по-разному. Никишка Патраков, смотря, на колени Богу молится. Пятыхшев ночами не спал - всё смотрел в потолок и думал. Проснёшься - он глядит в потолок. Окликнешь его, не отзывается. У меня от дум сделался нервный паралич лица...



Сегодня сгоревшего здания конторы уже нет. ФОТО ИЗ АРХИВА «ИСКРЫ»

Прошло 30 дней после решения суда. Настал срок вхождения в силу приговора. Ночью к нам вошли. Все побледнели. Встали. Конвой стоит с обнажёнными палками. Я оробел. Жутко. Обратил внимание на кипу дел в руках начальника тюрьмы: наверху - белые, снизу - пять красных. Видно, есть какое-то подразделение.

Стали вызывать по одному. Каждому читают его дело в серой корке: имя, отчество, фамилию, откуда родом, особые приметы. Меня вызвали из последних. Я оглянулся: осталось пятеро наших и их дела в красных корках. Я поклонился им, и нас погнало...

17 декабря 1914 года в 12 часов ночи смертный приговор над пятью рабочими - Н. Батраковым, В. Бурлыковым, Н. Вяткиным, В. Носковым и А. Пятыхшевым - был приведён в исполнение.

...ПОПРОСИЛ СЛОМАТЬ НОГУ

Степан ЕЛИСЕЕВ: «В ноябре, нас заковали и отправили из Перми на суд в Лысьву. Я был в числе многих других приговорён к вечной каторге. После приговора нас около трёх месяцев держали в той же (пермской) тюрьме, закованных по всем правилам «сильного режима». За малейший проступок пороли. Пока одних пороли, других заставляли смотреть за истязанием. Первыми подверглись порке Коробаев и Баранов...

По окончании кандалного срока нас расковали и отправили на Ивановские прииски на земляные работы. Я работал с Зимбаевым, а рядом с нами - Пильников. Урок был большой. Через силу, но мы его выполняли - боялись розог, а вот Пильников был слаб здоровьем, и задание ему было не по силам. Чтобы избавиться от мучений, он стал просить меня сломать ему ногу: «Сил моих нет, не могу выносить, ломай!». Надзирателю сообщили, что ногу перебило камнем. Пильникова положили в больницу. Вскоре после того случая Зимбаев прошиб себе ногу кайлом - тоже нарочно. Стал и я думать, не сделать ли над собой чего-нибудь, уже очень невыносимо было на руднике...».

В ТУРУХАНСКЕ ПОЗНАКОМИЛСЯ СО СВЕРДЛОВЫМ

Александр ШАРДИН: «9 августа около двух часов дня я был арестован. Сначала меня допрашивал исправник относительно участников забастовки (в марте-апреле) и бунта. От исправника отправили в «чиговку» волостного правления. После - в пермскую тюрьму, где я просидел около месяца. Потом меня и других лысьвенцев отправили в ссылку. Я с товарищами Ореховым, Мальцевым, Бурлыковым и Козловым отправился в Туруханский край. Этап проходил через пересыльные тюрьмы Екатеринбург, Челябинска, Красноярска, Енисейска. 1700 вёрст плыли по Енисею. Дело было в октябре. Наступило ненастье, а за ним пришли холода. На нас, лысьвенцев, была только летняя одежда. Кормили нас исключительно ссыльные, когда мы останавливались в какой-нибудь деревне, политические или челдоны. Шли и ехали мы 17 суток. За непочтительное отношение к казакам-конвоирам по дороге туруханский пристав отправил меня в Мироедиху. Это в 25 верстах от Туруханска. Вместе со мной изъявил желание поехать Бурлыков и Козлов. В Туруханске я познакомился с Яковом Михайловичем Свердловым, отбывавшим там ссылку... В Мироедихе охранявший нас полицейский предоставил нам для жилья амбарышко, в котором хранилось сено и дрова.

В феврале 1916 года я решил улетучиться из туруханского края. Яков Михайлович вручил мне 25 рублей (не знаю, где он взял эти деньги). Я продал свой башлык, так что у меня было около 40 рублей. Челдон запряг собак, и мы отправились в путь...».

Р.С. Эти воспоминания предназначались для книги по истории Лысьвенского завода. По неизвестной мне причине книга не была написана. Автор Лев Алпатов предлагал опубликовать свой труд под названием «Народный бунт в Лысьве в 1914 году». Однако старые большевики при обсуждении содержания книги и её названия не согласились с авторским вариантом и предложили свой - «Восстание в Лысьве. 1914 год».

Материалы, собранные для книги в 1934 году, приводятся в сокращении и с небольшой правкой.

НИКОЛАЙ ПАРФЁНОВ, КРАВЕД